

В русском переводе выпущено несколько слов французского текста. Тредиаковский не согласен приравнять деятельность ради «славы и дел» («de la renommé et des affaires») к тщеславию и бесполезности придворной службы. Небольшая купюра в определенном отношении меняет смысл. К тому же иное, чем во французском тексте, членение отрывка и дополнительное восклицание сообщают фразе интонацию, превращающую спокойное поучение в страстный возглас.

Среди прочих вмешательств переводчика в авторский текст обращают на себя внимание выразительные подчеркивания, курсивы.

Мысль о всемогуществе разума, науки, просвещения была кровно близка Тредиаковскому, и он был, очевидно, полностью солидарен с заключительной фразой биографии Бэкона, прославляющей «ученую республику». Но в своем тексте Тредиаковский счел нужным еще выделить курсивом последние и наиболее сильные слова этого рассуждения: «Можно к нему (Бэкону) приложить в истине, сказанное Цицероном на похвалу Цесарю, что не меньше славно для одного распространение человеческого разума, коль для другого расширение границ Римския державы... Обладание, полученное им в науках, есть толикого ж пространства, колликого есть разума и свободныя воли: *a одно пребудет еще, когда последнего более не будет*» («Житие», стр. 130). Тем самым подчеркивалась мысль о том, что могущество разума переживет все земные царства. Вот до каких просветительских выводов дошел здесь переводчик! Книга о Бэконе — в полном смысле слова просветительский труд Тредиаковского, где он не только мыслил «чужим разумом», но нередко поправлял и дополнял «чужой разум» своим.

Во всех деталях перевода сквозит желание Тредиаковского сделать книгу более доступной и понятной русскому человеку. Переводчик усердно переосмысляет на отечественный лад многие специфические западные понятия. Например, выражение «mettre en fond», что означает «вложить (деньги) в землю, в недвижимость», Тредиаковский переводит: «накупить сел и деревень» («Сокращение философии», стр. 157). Слово «пэры» он поясняет в скобках, обнаруживая при этом недостаточное знание фактов: «пáры вельможей или большие бояры» («Житие», стр. 41), и т. п.

Большое число новых понятий из области философии и социологии вынуждает Тредиаковского делать порой обширные пояснения. Так, впервые употребив слово «эпоха», Тредиаковский дает следующее примечание: «Эпоха, по словам, есть расстановка, остановка, постанровка; но по знаменованию началочисление лет, соименное ей слово есть Эра» («Житие», стр. 102).